

По Монголии до границь Тибета.

ГЛАВА VII ¹⁾.

Въ бассейнѣ Меконга.

Последніе дни въ системѣ Голубой рѣки.—Новый хребетъ, открытый экспедиціей.—Долина рѣки Дза-чю и прилежащіе монастыри.—Верхній Меконгъ.—Встрѣча съ совѣтниками хана Нанчин-чжалбо.—Бивакъ въ живописномъ ущельѣ Бар-чю.—Обезьяны.

Двухнедѣльное пребываніе экспедиціи въ селеніи Чжэрку прошло замѣчательно скоро, несмотря на то, что всѣхъ насъ по-прежнему влекло въ сердце Тибета, куда ежедневно направлялись торговые караваны. Въ душѣ я не могъ не завидовать ѣдущимъ въ Лхасу, какъ равно не переставалъ надѣяться и самъ туда проникнуть.

21-го августа 1900 года мы оставили сининское посольство, снабдившее экспедицію проводниками. Въ утреннемъ прозрачномъ воздухѣ чувствовалась нѣкоторая свѣжесть; небо было подернуто,

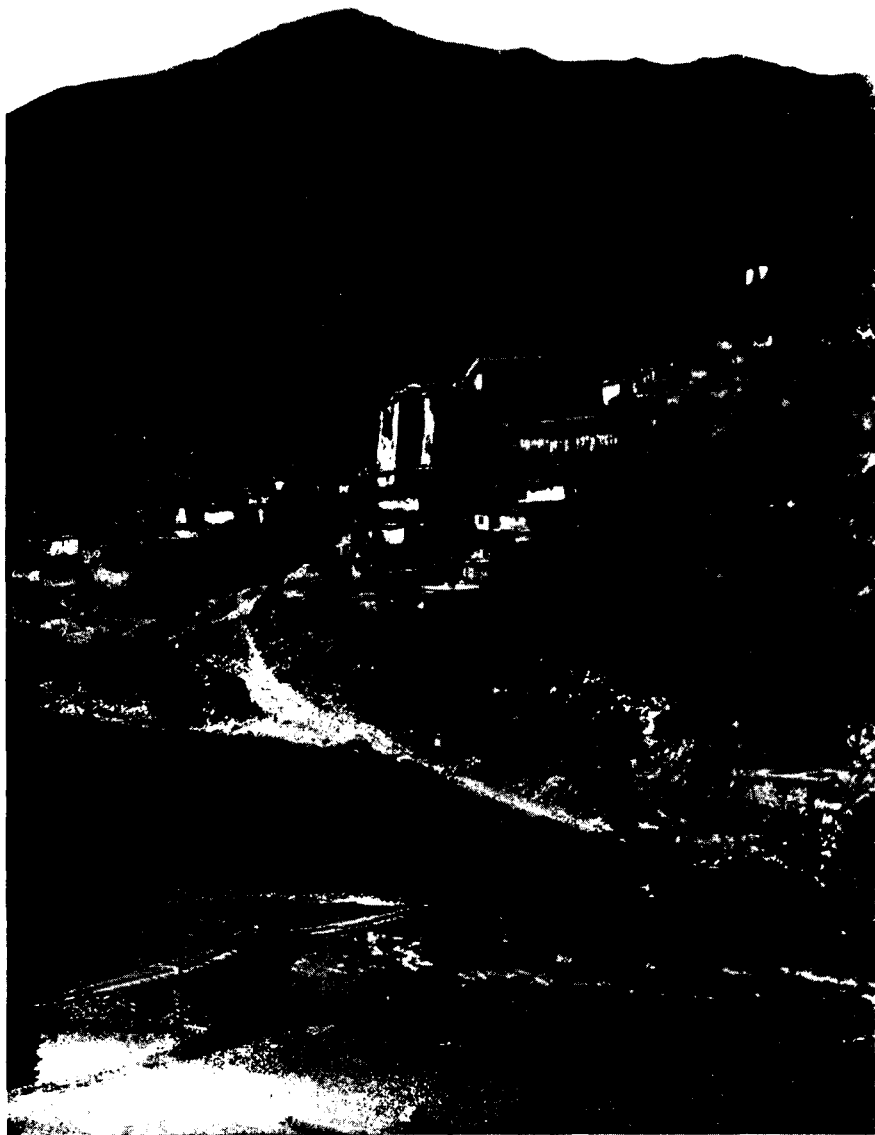
¹⁾ См. «Воен. Сб.» 1912 г., № 3.

высоко-стоявшими надъ горами, слоисто-кучевыми облаками; стайка улитовъ-чернышей хлопотливо направлялась къ югу. Отдохнувшія караванныя животныя бодро переправились черезъ рукава слившихся рѣчекъ и, вступивъ на лѣвый берегъ Ба-чю, зашагали въ полуденномъ направленіи. Большая тибетская дорога была сильно оживлена туземцами. У небольшого, но очень привѣтливаго предмѣстья Чжэрку, Шикорь-томба, подлѣ нарядной часовни, отъ насъ отдѣлилась лхасская дорога, скрывавшаяся въ ближайшихъ предгорьяхъ. Нашъ караванъ также втянулся въ извилистое ущелье и вскорѣ сталъ невидимъ для обитателей покинутыхъ селеній. Чѣмъ выше по теченію, тѣмъ сильнѣе горы сдавливали Ба-чю, громко рокотавшую по каменному ложу. Въ мѣстѣ высоко-поднятыхъ и сближенныхъ гнейсо-известняковыхъ береговъ былъ переброшенъ деревянный мостъ, ведущій въ кумирню Тангу-гомба.

Послѣдняя, красиво пріютившаяся въ боковомъ ущельѣ, содержитъ въ своихъ стѣнахъ около ста ламъ, преимущественно старовѣровъ, хотя въ тоже время здѣсь имѣется и небольшое число послѣдователей ученія Цзонхавы.

У окраины пройденныхъ горъ мы встрѣтили опять монастырь— Бэнчинъ-гомба, придерживающійся исключительно бѣлаго толка, при трехстахъ человѣкахъ братіи съ двумя гэгэнами во-главѣ. Внѣшній видъ этого монастыря очень красивъ; въ особенности видъ главнаго храма, выкрашеннаго въ кирпичный цвѣтъ и имѣющаго золоченый куполь, ярко блестящій на солнцѣ; еще живописнѣе лѣпились по скату горъ такъ называемые ритоды—убѣжища ламъ отшельниковъ. Ритодъ—мѣсто молитвъ аскета. Одни ритоды современемъ разрастаются въ цѣлые монастыри; другіе, наоборотъ, создаются въ сосѣдствѣ уже существующихъ монастырей для добровольнаго уединенія кого-либо изъ старѣйшихъ ламъ. Нѣкоторые ритоды имѣютъ видъ обыкновенныхъ пещеръ; у иныхъ бываетъ или только сужено входное отверстіе или пристроенъ домикъ, порою выдающійся въ видѣ балкона. Проживаніе въ ритодахъ есть удѣлъ монаховъ отшельниковъ, подобныхъ нашимъ схимникамъ.

Завидѣвъ русскихъ, расположившихся лагеремъ у журчащаго источника, ламы тотчасъ заперли двери храмовъ и жилищъ и частью попрятались, частью, раздѣлившись на группы, приготовились энергично охранять монастырь, на случай нашего посѣщенія.

Монастырь К'гардинъ-гомба (Восточный Тибетъ).

Подлѣ монастыря протекаетъ небольшая рѣченка, въ которой мы наловили гольцовъ и маринокъ, а въ кустарникахъ, одѣвающихъ ближайшіе холмы, добыли въ орнитологическую коллекцію свѣтлаго большого сорокопута и кукушку.

На утро, 23-го августа, оставивъ въ покоѣ монастырь и его черзчуръ трусливыхъ ламъ, экспедиція направилась на пересѣченіе долины къ водораздѣльному хребту, а слѣдующими двумя переходами уже поднялась на самый хребетъ. Переваль Гур-ла, лежащій на нашей дорогѣ, имѣетъ 15.700 футовъ надъ моремъ. Отсюда, къ югу, начинается бассейнъ Меконга, той великой рѣки, которая несетъ свои воды въ Южно-китайское море. У самаго перевала, къ западу отъ него, высится колоссальная гора Гаик-ган-ри съ характерно взъерошенной конусообразной вершиной, покрытой снѣгомъ. Абсолютная высота этой горы, служащей, по повѣрью туземцевъ, пристанищемъ духа-покровителя скотоводовъ, та же, что и Эльбруса. Немного ниже проходитъ граница вѣчнаго снѣга, котораго болѣе или менѣе касаются и отдаленныя на западѣ вершины. Дважды мы располагали свой бивакъ въ виду горы Гаик-ган-ри, любясь ею и съ сѣвера, и съ юга. Отовсюду она производитъ впечатлѣніе величественнаго конуса, поднимающагося своей шероховатой вершиной высоко къ небу.

Этотъ хребетъ—одинъ изъ самыхъ величественныхъ хребтовъ, видѣнныхъ нами въ восточномъ Тибетѣ, у тибетцевъ не имѣетъ названія; названія имѣютъ лишь отдѣльныя выдающіяся вершины. По праву перваго русскаго изслѣдователя, проникшаго въ бассейнъ Меконга и поработавшаго въ немъ въ теченіе полугода, благодаря довѣрью и широкой поддержкѣ Императорскаго русскаго географическаго общества, я позволилъ себѣ назвать этотъ хребетъ—хребтомъ Императорскаго русскаго географическаго общества, и, какъ таковой, онъ справедливо напомнитъ каждому европейцу о дѣятельности нашего родного учрежденія.

Разсматриваемый хребетъ плетъ отъ себя много большихъ и малыхъ рѣчекъ, размывающихъ горы на сложно-переплетающуюся сѣтъ довольно красивыхъ ущелій, по которымъ нерѣдки пѣнистые каскады и водопады, на особенности въ сѣверномъ склонѣ хребта, въ окрестности горы Мрто, гдѣ вода стремительно несется отовсюду, ниспадая болѣе или менѣе круто; спокойные бассейники, обыкновенно расположенные уступами, встрѣчались только изрѣдка. Словомъ, проходя въ этой очаровательной мѣстности, мы

положительно ничего другого не слышали, кромѣ оглушительнаго рѣва каскадовъ или шума водопадовъ или же своеобразнаго рокота скрытно бѣгущихъ ручейковъ.

Исполинскимъ валомъ тянется этотъ водораздѣльный хребетъ съ юго-востока на сѣверо-западъ верстъ на семьсотъ, а то и болѣе, давая отъ скалистаго гребня до подножій того и другого склоновъ приволье кочевникамъ съ ихъ многочисленными стадами барановъ и яковъ.

Вступивъ въ бассейнъ Меконга, мы среди первыхъ обитателей хошуна Бучунъ, дружелюбно встрѣтившихъ экспедицію, устроили дневку. Здѣсь намъ охотно продавали барановъ и масло, а потому, пользуясь случаемъ, мы пополнили запасы продовольствія болѣе, нежели на мѣсяць. Кочевые тибетцы и здѣсь выглядѣли грязными, лохматыми и нѣсколько дикими. Когда однажды, засидѣвшись у насъ на бивакѣ, они неожиданно услышали пѣніе нашего конвоя, то просили поскорѣе отпустить ихъ домой, такъ какъ ихъ будто бы пугаютъ ужасные русскіе голоса, отъ которыхъ волосы на головѣ поднимаются дыбомъ. Переводчикъ старался имъ объяснить, что въ пѣніи русскими людьми своихъ національныхъ пѣсенъ худого ничего нѣтъ. — «Нѣтъ, это не пѣсни», продолжали стоять на своемъ туземцы, «это вызываніе духовъ, живущихъ на горѣ Гаикган-ри; особенно дѣлается страшно», замѣтили они, «когда во время пѣнія слышится громкій свистъ!»

Тутъ будетъ кстати упомянуть, что невѣжественные туземцы и теперь, какъ и въ прошлыя путешествія, пренаивно спрашивали насъ что скрыто въ нашихъ ящикахъ? «Правда ли», спрашивали дикари, «что тутъ хранятся солдаты въ яйцахъ и что, въ случаѣ необходимости, они вылѣзутъ оттуда драться?» То же мнѣніе раздѣлялъ, впрочемъ, и чамдойскій чиновникъ, да-лама, внослѣдствіи встрѣтившій насъ на рѣкѣ Нд-му-чю, на другой день послѣ вооруженнаго столкновенія экспедиціи съ тибетцами; онъ, кромѣ того, былъ увѣренъ, что въ этихъ ящикахъ мы веземъ и нашихъ женъ, которыхъ по ночамъ выпускаемъ въ палатки къ мужьямъ, а утромъ снова прячемъ въ ящики.

Болѣе или менѣе дружелюбнымъ отношеніямъ, установившимся у насъ съ бучунцами, помогли, между прочимъ, наши молодые проводники, тибетецъ и тибетка, сопровождавшіе экспедицію

послѣдніе три дня, въ теченіе которыхъ мы успѣли перевалить черезъ главную ось водораздѣла. Несмотря на то, что проводники всю дорогу шли пѣшкомъ, они не разу не упустили случая помочь намъ при вьючкѣ и развьючкѣ каравана; веселые, беззаботные, они кажется успѣли всюду завязать дружескія отношенія. Особенно неутомимой, ловкой и живой была сильная, мускулистая тибетка, въ пользу которой еще болѣе располагали ея спокойный нравъ и постоянная улыбка. Будучи въ описываемое время еще только двадцатилѣтней, эта дѣвушка уже два года тому назадъ совершила путешествіе съ торговымъ караваномъ въ Лхасу и обратно и въ теченіе всего далекаго и продолжительнаго пути постоянно поражала тибетскихъ купцовъ своимъ молодечествомъ и несвойственнымъ женщинамъ геройствомъ. По признанію самой тибетки видно было, что она страстная любительница путешествовать и отправилась въ Лхасу тайкомъ отъ своихъ родителей, не желавшихъ отпустить ея изъ-дому добровольно. Съ того времени она считается, среди своихъ сосѣдей, неустрашимой, почему и была назначена въ качествѣ опытной проводницы въ нашу экспедицію. Своему товарищу одвохошунцу она не была ранѣе извѣстна; онъ познакомился съ ней лишь теперь; несмотря на то, молодой человѣкъ готовъ былъ предложить тибеткѣ все, только бы окончательно завоевать ея симпатію, но тибетка, видимо, предпочитала полную самостоятельность, такъ какъ на послѣднемъ совмѣстномъ ночлегѣ она надолго исчезала съ бивака въ сосѣдній банагъ (палатку), куда была заранѣе приглашена молодымъ красивымъ радасцемъ.

На прощанье оба проводника получили отъ насъ денежные подарки, а тибетка, сверхъ того, еще и ножницы. Молодые люди, вскочивъ верхомъ на лошадей, которыхъ они должны были увести обратно въ радаскій хошунъ, безъ сѣделъ, довольные понеслись въ карьеръ во-свосяи.

Дальнѣйшій путь экспедиціи въ теченіе нѣсколькихъ дней шель въ юго-западномъ направленіи поперекъ горныхъ пѣпей и многихъ большихъ и малыхъ рѣчекъ, стремительно несшихся къ юго-востоку и скрывавшихся тамъ среди болѣе расчлененныхъ горъ, принадлежащихъ все той же системѣ водораздѣльнаго хребта. За третьимъ, болѣе низкимъ луговымъ переваломъ Чжонни-ла, караванъ уже началъ спускаться къ многоводной рѣкѣ Дзэ-чю, по

одному изъ ея лѣвыхъ притоковъ Чок-чю. На этой послѣдней мы были очень порадованы первымъ еловымъ лѣсомъ и густыми зарослями разнообразныхъ кустарниковъ. Наша орнитологическая коллекція стала быстро пополняться не только знакомыми мнѣ видами птицъ, но и такими, которыхъ я никогда и нигдѣ не наблюдалъ. Бѣлый ушастый фазанъ, зеленый всѣре, кривоноски, гималайскій клестъ, дубоносъ, самые разнообразные вьюрки, краснохвостки, синицы, мухоловки, новая камская пищуха и многія другія составили предметъ сборовъ нашихъ препараторовъ; лично же мнѣ этотъ пернатый мѣръ, помимо охоты, доставлялъ большое удовольствие или своимъ пѣніемъ, или украшеніемъ тѣхъ уголковъ, гдѣ мы располагали свой бивакъ. Однимъ изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ лагеря экспедиціи были скалистыя ворота на Чок-чю. Нависшія скалы, густой лѣсъ, шумъ бѣшеной рѣчки дѣлали эту часть дикаго ущелья чрезвычайно живописнымъ.

Главная рѣка Дзэ-чю, одинъ изъ видныхъ лѣвыхъ притоковъ верхняго Меконга, протекала вблизи, верстахъ въ двухъ отъ бивака. Ширина ея прозрачно-голубыхъ водъ достигаетъ двадцати пяти—тридцати сажень, при глубинѣ, въ это осеннее время, отъ десяти до пятнадцати футовъ. Теченіе стремительное, а на порогахъ и очень бурливое; въ такихъ мѣстахъ гребни волнъ покрываются барашками.

Общій характеръ долины этой рѣки крайне привлекательный: береговые горные скаты покрыты густыми зарослями лѣса, кустарниками и травами, по большей части уже отцвѣтшими и завявшими. Надъ растительнымъ покровомъ нерѣдко выдѣляются типичныя, напоминающія собою искусственныя крѣпостныя стѣны, известняковыя обнаженія, которыя при дорогахъ и переправахъ исписаны мистическими формулами, а также и изображеніями различныхъ божествъ буддійскаго пантеона. Самыя дороги то вьются по мягкимъ косогорамъ, то взбираются на береговыя скалы, то, наконецъ, спускаются въ расширенную часть долины, отведенную подъ селенія и пашни. Во время прохожденія по Дзэ-чю, поднявшись на уступы скалъ, невольно останавливаешься, чтобы полюбоваться ея живописными видами. Внизу, въ глубинѣ долины, шумитъ рѣка, гиганскою змѣею извиваясь среди угрюмыхъ скалъ или окаймляя мягкія луговыя площади, полого ниспадающія къ каменистымъ галечнымъ берегамъ. По скатамъ противоположнаго

берега медленно пробираются туземцы; тамъ, вверху, подобно орлинымъ гнѣздамъ, темнѣютъ низкіе шатры кочевниковъ.

Въ нашъ лагерь, располагавшійся въ красивыхъ мѣстахъ, нерѣдко заходили попутные туземцы. Одинъ изъ такихъ туземцевъ, охотникъ, вскорѣ освоился съ нами и часто сопровождалъ насъ въ экскурсіяхъ. У него же мы добыли отличную шкуру дикой кошки, промышлявшей въ лѣсу за грызунами и птичками. Изъ другихъ звѣрей въ ближайшей окрестности чаще всего можно было видѣть куку-ямановъ и кабаргу, державшихся на святой горѣ, покровительствуемой монастыремъ. Послѣдній налагаетъ большое наказаніе на тибетцевъ-охотниковъ, замѣченныхъ въ нарушеніи ихъ постановленія—не стрѣлять звѣрей. Нашъ приходъ сюда какъ разъ совпалъ съ произнесеніемъ обвинительнаго приговора надъ тѣмъ молодымъ туземцемъ, который сопровождалъ насъ на охотахъ; бѣдняга напрасно старался доказать ламамъ-судьямъ, что онъ не виноватъ, такъ какъ злосчастная кабарга, подстрѣленная имъ вдали отъ монастырской святой горы, прежде нежели достигла запретныхъ мѣстъ и испустила духъ, успѣла пробѣжать значительное разстояніе. Ламы не вняли его доводамъ и приговорили къ ослѣпленію на одинъ глазъ, съ правомъ, однако, замѣнить это жестокое наказаніе своевременнымъ взносомъ гуцена или штрафа. Несчастный, раздобывшій кое-что изъ причитающихся девяти предметовъ, все еще нуждался во многомъ и дрожалъ при мысли о предстоящемъ наказаніи. Экспедиція сочла умѣстнымъ оказать охотнику посильную помощь и тѣмъ выручить его изъ бѣды. Конечно, это обстоятельство не осталось тайной среди ближайшихъ тибетцевъ, отъ которыхъ вскорѣ узнали и отдаленные обитатели, относившіеся къ экспедиціи вообще болѣе или менѣе дружелюбно.

За слѣдующей высокой скалистой цѣпью горъ протекалъ самый Меконгъ, который своими размѣрами не уступаетъ далеко оставленному позади Ян-цзы-цзяну. У мѣстныхъ туземцевъ верхній Меконгъ извѣстенъ подъ названіемъ Дза-чю. Въ мѣстѣ переправы экспедиціи черезъ эту рѣку насъ ожидалъ одинъ изъ четырехъ совѣтниковъ Нанчин-чжалбо—Шэрабъ-Чумпыръ, который, въ отвѣтъ на привѣтствіе, принесенное имъ отъ имени своего хана, получилъ отъ экспедиціи паспорта, для представленія ихъ въ ханскую ставку, запрятанную въ одномъ изъ ущелій на рѣчкѣ Бар-чю.

Въ званіи Нанчинъ-чжалбо въ настоящее время состоитъ четырнадцатилѣтній мальчикъ, котораго ревниво оберегаютъ его приближенные. При малолѣтнемъ ханѣ, въ качествѣ воспитателя и учителя, проживаетъ одинъ изъ старѣйшихъ лхасскихъ ламъ. Нѣкоторые изъ подчиненныхъ Нанчин-чжалбо не хотятъ признавать своего начальника потомственнымъ ханомъ, потому что покойный ханъ не оставилъ себѣ наслѣдника отъ законной жены. Этотъ же мальчикъ былъ разысканъ впоследствии въ одномъ изъ семействъ нанчинскихъ тибетцевъ, пользовавшихся благосклонностью покойнаго хана, который въ свое время при жизни навѣщалъ сильно приглянувшуюся ему красивую дѣвушку, ставшую затѣмъ матерью нынѣшняго малолѣтнаго начальника. Ближайшіе родственники мальчика, занимавшіе видное положеніе при покойномъ ханѣ, помогли его побочному сыну утвердиться во власти законнаго наслѣдника...

Мое желаніе посѣтить юнаго чжалбо встрѣтило непреодолимое препятствіе, подѣ предложемъ тяжелой болѣзни матери хана, хотя, въ сущности, дѣло обстояло иначе: въ ставкѣ Нанчина всѣ были здоровы, за исключеніемъ его самого; вотъ это то болѣзненное состояніе юноши, приближенные его, изъ суевѣрія, и скрывали не только отъ чужестранцевъ, но даже и отъ своихъ. Тогда же, вмѣстѣ съ паспортами, мы поручили передать начальнику южныхъ тибетцевъ и приличные подарки.

На третій день посланный къ хану возвратился съ разрѣшеніемъ безпрепятственнаго пропуска экспедиціи по всѣмъ нанчинскимъ владѣніямъ, не стѣсняя ея срокомъ, причемъ чжалбо прикомандировалъ въ наше распоряженіе знакомаго уже намъ чиновника—Шэрабъ-Чумпыра. Въ заключеніе ханъ прислалъ отвѣтные подарки, заключавшіеся, главнымъ образомъ, въ предметахъ продовольствія. По словамъ посланца, ханъ много разспрашивалъ о «русскихъ» и выразилъ сожалѣніе, что ему не пришлось увидѣть этихъ людей, впервые посѣтившихъ его землю. Изъ нашихъ подарковъ юному хану больше всего понравился стереоскопъ съ видами и типами Россіи.

Такимъ образомъ намъ удалось установить прочное знакомство и съ южными тибетцами, въ чемъ, конечно, видную роль сыгралъ Шэрабъ-Чумпыръ, довольный назначеніемъ состоять при экспедиціи на ея дальнѣйшемъ пути къ лхасскимъ владѣніямъ.

Личность Шэрабъ-Чумпыра довольно интересна. Получивъ отъ отца въ управленіе хошунъ, онъ располагалъ въ тоже время и порядочнымъ наслѣдственнымъ состояніемъ, что ставило молодого старшину на видное мѣсто и давало возможность въ большей степени проявлять свою самостоятельность. Будучи въ душѣ великимъ воиномъ, Шэрабъ-Чумпыръ не только не стѣснялъ въ грабежахъ своихъ подчиненныхъ, но даже и самъ часто принималъ въ нихъ главное участіе, правда, такъ несчастливо, что вскорѣ дошелъ до разоренія и устраненія отъ должности, а затѣмъ и до заключенія въ кандалы,.. И только война, веденная Нанчин-чжалбо съ нѣкоторыми хошунами центрального Тибета, помогла Шэрабъ-Чумпыру вновь подняться. Ему и двумъ другимъ опальнымъ бэй-ху хань рѣшился довѣрить командованіе отрядами для одержанія побѣды, столь долго не дававшейся прежнимъ его ставленникамъ. И, дѣйствительно, въ роли исключительно воина, Шэрабъ-Чумпыръ блестяще одерживалъ побѣду за побѣдой и вскорѣ вернулъ всѣ земли, отошедшія было къ сосѣднимъ хошунамъ, чѣмъ и возстановилъ прежнее вліяніе своего извѣстнаго чжалбо. Обрадованный хань простилъ ему всѣ проступки и постепенно возвелъ его до настоящаго положенія—ближайшаго совѣтника, потребовавъ предварительно отъ него клятвенное обѣщаніе не возвращаться къ прежнимъ грабежамъ однохошунцевъ. «Да», замѣтилъ мнѣ однажды Шэрабъ-Чумпыръ, «лихой я былъ въ болѣе молодые годы; не одинъ десятокъ тибетцевъ пали мертвыми отъ моихъ пуль или ударовъ сабли», приэтомъ да-бэй-ху указалъ мнѣ на одного мужественнаго тибетца, случайно проходившаго мимо насъ въ сопровожденіи мальчика-поводыря: «вотъ этотъ прежній лихой грабитель былъ ослѣпленъ ханомъ по моему настоянію, такъ какъ онъ былъ причиною нашихъ многократныхъ войнъ съ сосѣдями».

Верхній Меконгъ, согласно общему направленію хребтовъ и заключенныхъ между ними долинъ, стремительно катитъ свои голубыя волны въ юго-восточномъ направленіи. Зародившись изъ обильныхъ ключей, эта рѣка, по словамъ туземцевъ, вначалѣ течетъ на востокъ по открытому, высокому, холодному плато центрального Тибета, затѣмъ, постепенно склоняясь къ югу, все болѣе и болѣе стѣняется сближенными между собою цѣпами горъ, образующими довольно часто тѣснины и пороги, бѣшено низвергаясь по нимъ, она оглушаетъ шумомъ своихъ водъ,

сбивающихся у каменных прибрежных стѣнъ въ блестящую пѣнистую массу. Боковые ручьи и многочисленныя рѣчки, напоминающія собою, по быстротѣ теченія, горные потоки, увеличиваютъ дикость и своеобразную прелесть Меконга. Тамъ и сямъ, въ капризно-извилистыхъ его расширеніяхъ, пріютились селенія тибетцевъ, къ крохотнымъ полямъ которыхъ обрываются скалы, убранныя рододендронами, дикимъ абрикосомъ, бѣлой и красной рябиной; темный лѣсъ изъ могучихъ елей, лиственницъ и можжевельника тянется съ одной стороны, свѣтлыя березовыя рощи—съ другой; на дно самыхъ долинъ, къ берегамъ водъ, спускаются густые кустарники: ива, жимолость, барбарисъ, боярышникъ, такъ называемые ягодные кусты: крыжовникъ, смородина, малина и множество всевозможныхъ высокихъ и низкихъ травъ. Выше лѣсной и верхнекустарной зонъ нестрять самыми разнообразными цвѣтами альпійскіе луга, гдѣ, на просторѣ, пасутся стада кочующихъ обитателей, въ свою очередь мало стѣсняющіе дикихъ млекопитающихъ, не говоря уже про птицъ, въ большинствѣ случаевъ, держащихъ себя совершенно безбоязненно и по отношенію къ стадамъ, и по отношенію къ туземцамъ.

На дальнѣйшемъ пути къ югу снова встаютъ высокія синеватая горы, за которыми, по словамъ Шэрабъ-Чумпыра, насъ ожидаютъ глубокія лѣсныя ущелья, населенныя обезьянами и всевозможными птицами. Къ сѣверу точно также громоздятся горныя цѣпи, но онѣ уже знакомы намъ; мы живо представляемъ себѣ что находится въ нихъ и за ними. Горы же, преграждавшія намъ южный горизонтъ, представлявшія, такъ сказать, задачу дальнѣйшихъ изслѣдованій экспедиціи, манили насъ своею неизвѣстностью, въ особенности въ данномъ случаѣ, послѣ такихъ интересныхъ сообщеній о нихъ совѣтника Нанчип-чжалбо.

Перевалъ Радэб-ла, возвышающійся надъ моремъ на 14.550 футовъ, открылъ намъ первое живописное ущелье Бар-чю. Долго я стоялъ на перевалѣ и не могъ налюбоваться этимъ ущельемъ, гармонично сочетавшимъ въ себѣ отвѣсныя каменныя кручи, густые лѣса ели и древовиднаго можжевельника и темную извилистую рѣчку, положительно тонувшую среди причудливо нависшихъ надъ нею гигантскихъ скалъ и цѣплявшихся по нимъ хвойныхъ зарослей. Даже мои тупые монголы-спутники и тѣ, при видѣ Барчюскаго ущелья, много разъ повторяли: «гадзэръ сэйнь-байна!» что значитъ— «мѣсто очень хорошее, красивое».

Тибетецъ-чиновникъ Шэрабъ-Чумпыръ.

Съ обѣихъ сторонъ ущелье запирается мрачными тѣсинами, а съ восточной, кромѣ того, и высокимъ каменнымъ порогомъ, съ которымъ Бар-чю яростно сражается, превращаясь при этомъ въ одну сплошную пѣнистую массу, играющую на солнцѣ цвѣтами радуги. Ревъ и шумъ Барчюской стремнины былъ въ состояніи заглушить самый громкій людской голосъ. Обаятельной дикой прелести каскада способствовали также дѣвственные заросли, нависшія съ отвѣсно ниспадавшихъ береговыхъ стѣнъ. Это было любимѣйшее мѣсто моихъ охотничьихъ экскурсій.

По цѣлымъ часамъ я просиживалъ въ сосѣдствѣ стремнины, наблюдая подъ ея монотонный гулъ за жизнью мѣстныхъ пернатыхъ. Чуть только блеснутъ солнечные лучи по скалистымъ стѣнамъ ущелья и вершинамъ хвойныхъ деревьевъ, какъ уже просыпаются птицы и покидаютъ мѣста ночевокъ. Снѣжные грифы, ягнятники бородатые и орлы-беркуты дозоромъ понеслись надъ вершинами горъ; высоко надъ елями паритъ вновь открытый ястребъ, котораго по временамъ беспокоятъ попутно-пролетающіе сокола, сарычи, галки и крикливыя клушицы; сверху ущелья волнистымъ полетомъ прилетѣлъ зеленый дятель и съ размаха уцѣпился за пень; въ гущѣ кустарниковъ перелетаютъ или прыгаютъ по вѣтвямъ бурая кустарница и дроздъ Кесслера; рядомъ съ ними можно было нерѣдко вспугнуть рябчика; повыше—цѣпляются въ хвоѣ всевозможныя синицы, нѣсколько видовъ пѣночекъ и золотистолобый королекъ; изрѣдка въ стайкахъ перелетали съ одной стороны ущелья на другую гималайскіе клесты и каменные голуби; тамъ и сямъ перемѣщались на скалахъ или на деревьяхъ, помахивая хвостиками, красивыя горихвостки; въ гущѣ можжевельниковъ запрятались дубоносы и нарядные розовые вьюрки; у прибрежныхъ, обмытыхъ водою корней, ютился крапивничекъ, а по рѣчнымъ валунамъ—водяная оляпка, часто прыгивавшая на воду.

Къ полдню птички становятся менѣе энергичными и, напившись воды, незамѣтно скрываются въ кустарники и скалы. Пора и охотнику возвращаться къ биваку. Тихо бредешь по знакомой тропинкѣ, порою на минуту остановишься, прислушаешься и въ тоже время помотришь въ бинокль на ближайшія скалы. Среди тишины вдругъ польются, словно изъ свирѣли, нѣжные, тонкіе звуки зеленого красавца всѣре, усѣвшагося гдѣ-либо на бугоркѣ, подлѣ стайки

этихъ птицъ, спустившихся къ рѣчкѣ выпить; по мѣрѣ того, какъ умолкаетъ одна пріятная трель вблизи, за поляной раздается новая, тамъ дальше еще и еще; мелодичные переливы звуковъ до-вѣрчивыхъ всѣре и замѣчательно нарядное ихъ опереніе часто совершенно обезоруживали меня и я ограничивался одними при-цѣливаніями въ этихъ птицъ. Истинный охотникъ-коллекторъ и любитель природы меня пойметъ....

На южномъ склонѣ сосѣдняго нашему биваку Нанчинскаго хребта удалось найти обезьянъ. Встрѣченные звѣрки держались компаніей, штукъ въ двадцать, вблизи гребня горъ, по скаламъ, одѣтымъ можжевельнымъ лѣсомъ. Умные, забавные звѣрки беззаботно рѣзвились на южномъ тепломъ солнцѣ, не боясь близкаго сосѣдства человека-тибетца, вселившаго въ нихъ увѣренность въ томъ, что онъ для нихъ неопасенъ. Одинъ изъ обезьянъ ловко прыгали по деревьямъ, другія съ меньшимъ искусствомъ и проворствомъ цѣплялись по скаламъ, въ то время, какъ прочія, усѣвшись на выступы камней, спокойно наблюдали за всѣмъ окружающимъ или же кувыркались другъ черезъ друга. Вслѣдствіе особенной подвижности обезьянъ, онѣ то и дѣло мѣняли свои мѣста и невольно подолгу привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе. Крайне интересными звѣрки бывали на деревьяхъ, когда они старались свалить другъ друга на землю: вотъ одинъ изъ нихъ быстро поднялся на самую вершину можжевельника и приготовился взглянуть по сторонамъ, какъ другой, тотчасъ догнавъ его, началъ усердно трясти вершинку дерева; тамъ, на скалахъ, одинъ другого надѣляютъ пощечинами, или же, наоборотъ, послѣ такихъ недоразумѣній, трогательно оказываютъ другъ другу вниманіе и ласку. Обезьяны вообще вели себя свободно и безбоязненно, словно не замѣчали людей, устремившихъ на нихъ свои, болѣе чѣмъ пытливые, взгляды.

Послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ, раздавшихся по обезьянамъ, послѣднія, однако, сообразили въ чемъ дѣло и поспѣшили скрыться за исключеніемъ двухъ, поплатившихся за излишнюю довѣрчивость и доставшихся въ трофей охотникамъ. Ручной молоденькій звѣрекъ, подпущенный къ убитымъ обезьянамъ, не проявлялъ особенной тревоги и неудовольствія: пугливо, жалостно обнюхавъ своихъ собратьевъ, онъ вскорѣ же сталъ спокойно изслѣдовать ихъ густую шерсть на головѣ и шеѣ—излюбленное занятіе камскихъ обезьянъ,

такъ живо напоминающихъ собою за этимъ дѣломъ ихъ близкихъ сосѣдей—тибетцевъ.

Здѣсь будетъ умѣстно вообще сказать нѣсколько подробнѣе о камской обезьянѣ (*Macacus vestitus*).

Этотъ звѣрь, называемый тибетцами «аргэ», довольно обыкновененъ въ бассейнѣ верхняго Меконга, въ особенности въ окрестностяхъ Чамдо, преимущественно выше по долинамъ и ущельямъ рѣкъ и рѣчекъ, которыя богаты скалами и лѣсами.

Обезьяны бродятъ стадами иногда до сотни и болѣе особей. Облюбовавъ извѣстный районъ, звѣри держатся его болѣе или менѣе продолжительное время, затѣмъ исчезаютъ, передвигаясь въ скалы сосѣднихъ ущелій. При встрѣчѣ рѣчки, звѣри успѣшно ее переплываютъ, за исключеніемъ дѣтенышей, которые, при такихъ передвиженіяхъ взрослыхъ, помѣщаются на спины родителей. Обиженные мѣста обезьянъ видны по ихъ лѣжкамъ, помету и по разрытой рыхлой почвѣ.

Лѣтомъ звѣри ищутъ болѣе прохладныхъ мѣстъ, поднимаясь до верхняго предѣла лѣсовъ; зимою, наоборотъ, спускаются ниже, выбирая солнечные пригрѣвы у скалъ. Почуютъ обезьяны въ выемкахъ скалъ, въ пещерахъ; чуть пригрѣетъ солнышко, онѣ оставляютъ ночевку, вылѣзаютъ на скалы; позднѣе прыгаютъ по вѣткамъ древовиднаго можжевельника, собирая его сѣмена. Обезьяны охотно питаются, кромѣ того, корнями гусяной лапчатки, многими ягодами, а при случаѣ, лѣтомъ, приходятъ на поля, засѣянные рѣпой и немилосердно ихъ вытравляютъ.

Туземцы, усматривая въ обезьянѣ нѣкоторое подобіе людей, ихъ не стрѣляютъ, боясь грѣха, равносильнаго убіенію человѣка. Поэтому описываемый звѣрь нисколько не боится тибетцевъ. Мнѣ не одинъ разъ приходилось видѣть, какъ зимою обезьяны стадами кормились по пашнямъ и лужайкамъ, вблизи тибетскихъ жилищъ, иногда даже въ стогахъ ихъ соломы, и какъ близко взрослые люди и обезьяны проходили другъ отъ друга, повидимому, не обращая вниманія одинъ на другого. На мальчишекъ же, пытавшихся прогнать этихъ звѣрей, въ особенности съ полей, засѣянныхъ рѣпой, обезьяны жестоко нападаютъ, сваливаютъ съ ногъ и безжалостно колотятъ передними ногами. Другое дѣло, если появлялся ктонибудь изъ насъ: мирное состояніе всего стада обезьянъ тотчасъ нарушалось и всѣ онѣ скоро исчезали въ скалы или въ лѣсъ. Вожаками бывають по большей части взрослые самцы.

Определеннаго любовнаго періода у обезьянъ не существуетъ; поэтому дѣти появляются на свѣтъ во всякое время года. Мать заботливо скрываетъ родившееся дитя въ ямочку, предварительно выстлавъ ее мягкой травой и замаскировавъ вѣточками. Въ такомъ гнѣздышкѣ обезьяна-мать держитъ малютку дня три и тогда стадо ютится поблизости. Затѣмъ, мать беретъ дитя въ охапку, точнѣе—подмышку, слѣдуя въ пути на трехъ ногахъ. При отдыхѣ или срываніи корма обезьяна кладетъ дѣтеныша рядомъ съ собою. По истеченіи двухъ недѣль молодые уже въ силахъ держаться на спинахъ родителей, ловко тамъ усаживаются, крѣпко держась за длинную мягкую шерсть. Замѣчательно забавную картину представляетъ стадо разсматриваемыхъ звѣрей, идущее гуськомъ по гребню горъ, когда нѣкоторые изъ нихъ, имѣя на спинахъ малышей, шествуютъ точно лошади подъ сѣдокомъ. Мой юный спутникъ-забайкалецъ находилъ, впрочемъ, другое сравненіе для дѣтенышей, ѣхавшихъ верхомъ на взрослыхъ обезьянахъ; онъ выражался: «маленькія завьючены на большихъ». Этотъ же препаратъ, Мадаевъ, на одной изъ своихъ охотъ за обезьянами, долженъ былъ первоначально отступить отъ нихъ, такъ какъ звѣри, находясь выше охотника, дружно стали бросать въ него камнями, которые по крутому косогору катились очень быстро; иные пролетали въ воздухъ со свистомъ.

Обезьяны между собою также нерѣдко серьезно дерутся; недоразумѣнія, повидимому, рождаются очень быстро, изъ-за пустяковъ. Такъ, на ряду съ большой дружбой и вниманіемъ другъ къ другу, выказываемыми въ особенности при взаимныхъ услугахъ въ отысканіи паразитовъ, можно видѣть, какъ тѣ же обезьяны щедро надѣляютъ одна другую пощечинами. Пострадавшая громко кричитъ отъ боли.

Тибетцы иногда ловятъ дѣтенышей обезьянъ и держатъ ихъ у себя въ домахъ для забавы. Въ неволѣ этотъ звѣрекъ быстро осваивается и привыкаетъ къ людямъ. По мнѣнію туземцевъ, прирученнымъ обезьянамъ слѣдуетъ отрубать хвосты, что нерѣдко они безжалостно и продѣлываютъ съ ними, въ цѣляхъ будто бы проявленія большаго разума этими человѣкоподобными существами. Во избѣжаніе бѣдъ, которыхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, не мало натворитъ обезьяна, ее держать на привязи, отпуская ежедневно на часъ-другой въ сосѣдній лѣсъ или скалы. Привязы-

вать этого звѣря слѣдуетъ очень искусно; иначе онъ всегда сумѣетъ развязать даже довольно сложный узелъ.

У насъ была также прирученная обезьянка, подаренная мнѣ Шэрабъ-Чумпыромъ, которую мы впослѣдствіи прозвали Мандриль. Эта общая наша любимица съ перваго дня появленія въ лагерь экспедиціи слѣдалась предметомъ развлечения ея участниковъ. Для этого звѣрька была устроена трапеція, на которой онъ продѣлывалъ всевозможныя упражненія. Со всѣми нами Мандриль скоро освоился, но привязывался только къ тому, кто не позволялъ себѣ по отношенію къ нему злыхъ или мальчишескихъ шутокъ; ласковое же отношеніе и лакомыя подачки очень цѣнили, какъ равно не проявлялъ обиды или неудовольствія, если его по временамъ наказывали, заставляя на мѣстѣ преступленія.

Нашъ свирѣпый песъ Гарза вначалѣ порывался уничтожить Мандрила, но, получая за каждую подобную попытку должное внушеніе, скоро смирился и освоился съ нимъ, а недѣли двѣ спустя оба нашихъ спутника стали если не друзьями, то во всякомъ случаѣ и не врагами. Гарза позволялъ Мандрилу безнаказанно гладить себя по головѣ или навязчиво цѣпляться за ноги, за хвостъ, но только не выносилъ его назойливыхъ прыжковъ на спину; въ такомъ случаѣ собака убѣгала отъ обезьяны и пряталась гдѣ-либо въ кустахъ. Интереснѣе всего было наблюдать, какъ Гарза защищалъ Мандрила отъ нападенія чужихъ, встрѣчавшихся собакъ: застигнутая врасплохъ туземными псами, обезьяна безъ оглядки мчалась къ лагерю или каравану, неистово крича отъ страха; на ея крикъ быстро появлялся Гарза и тотчасъ же устранялъ опасность отъ своего товарища. Иногда, впрочемъ, обезьяна вспрыгивала къ кому-либо изъ насъ на плечи и оттуда старалась излить свой гнѣвъ своеобразнымъ отрывистымъ фырканиемъ.

.... Короткіе осенніе дни въ глубокомъ ущельи Бар-чю проходили скоро, сумерки длились также непродолжительно, а за ними быстро надвигалась ночь своимъ темнымъ, мрачнымъ покровомъ. Благодаря богатству сухихъ дровъ, люди отряда, по вечерамъ, устраивали веселые костры, подлѣ которыхъ мы частенько засиживались позднѣе обыкновеннаго, въ особенности, когда еще сквозь медленно плывущія облака проглядывала луна, таинственно озарявшая нашъ тихій уголокъ и ближайшія сѣрыя скалы. Густой высокоствольный лѣсъ стоялъ безмолвно, словно погруженный въ

дремоту, лишь совершенную тишину ночи нарушалъ, монотонный рокоть рѣчки да унылое гуканье филина, по временамъ раздававшееся въ томъ или другомъ углу ущелья. Неприятный голосъ этой ночной птицы будилъ нашу собаку и привлекалъ ее съ лаемъ въ свою сторону; затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, недруги успаивались и опять наступала прежняя убаюкивающая тишина.

П. Козловъ.

